

МАРШАЛЫ
НАПОЛЕОНА
БОНАПАРТА

Яков Николаевич Нерсесов Маршалы Наполеона Бонапарта

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5973159

Маршалы Наполеона. / Нерсесов Я.: Мир энциклопедий Аванта+,

Астрель; Москва; 2012

ISBN 978-5-98986-524-6, 978-5-271-37688-7

Аннотация

«Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл!» – любил повторять Бонапарт. Всего в наполеоновскую эпоху появилось 26 маршалов Франции. Никогда более в истории военного искусства не было такой блестящей плеяды командующих. Эта книга посвящена самым знаменитым из них: Бертье, Мюрату, Массена, Бернадоту, Сульту, Ланну, Нею, Даву, Сюше. Каждый был щедро одарен талантом, а некоторые соперничали с самим Бонапартом. Яркие, запоминающиеся образы, легкий своеобразный язык в сочетании с высокой точностью исторических деталей и глубоким погружением в материал делают книгу настоящим подарком для любителей истории Наполеоновских войн.

Содержание

Пролог,	5
Андре Массена	15
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Я. Н. Нерсесов

Маршалы Наполеона

*Светлой памяти моего прадеда Шарля Омона и
моей бабушки Мари Омон-Нерсесовой посвящаю...*

*Человек растет с детства.
Древнеперсидская поговорка*

*Мы живем один раз, но если жить правильно, то
одного раза достаточно.
Древнеперсидская пословица*

*Свет показывает тень, а правда – загадку.
Древнеперсидская пословица*

*Мой долг передавать все, что рассказывают, но,
конечно, верить всему я не обязан...
Геродот*

*Все дело в мгновении. Оно определяет жизнь.
Франц Кафка*

Пролог, или Вечная слава Франции – наполеоновские маршалы

Сегодня вы открыли первую страницу отнюдь не первой книги о маршалах Наполеона Бонапарта. Все они, условно пользуясь классической со времен римской армии терминологией, могли считаться ближайшими помощниками полководца – легатами, т. е. командирами легионов (во времена Наполеона – армейских корпусов). В случае необходимости легаты, как и маршалы, должны были брать на себя руководство боем не только отдельного фланга (крыла), но и всей конницы, в крайнем случае, всей армией. Полагаю, что, начав листать эту книгу, вы не разочаруетесь и прочтете ее до конца. Счастливого вам плавания по бурным волнам ярких и не всегда однозначных судеб самых знаменитых наполеоновских маршалов-легатов – этой Вечной Славы Франции.

Начнем с того, что 19 мая 1804 г. во французской армии было восстановлено высшее звание, которое отменила революция, свергнув власть короля, – маршал Франции.

Император Наполеон I и военачальники французской армии. Литография. 1825–1830 гг.

Кстати, это звание существовало в монархической Франции с XI в., но тогда у маршалов были несколько иные функции. Впрочем, не будем вдаваться в историю этого, без условно, интереснейшего вопроса, а лишь констатируем, что во всех остальных европейских государствах максимум, на что мог претендовать высший офицер, – это звание генерал-фельдмаршала, т. е. военный становился лишь на высшую ступень иерархии генералов. Уже много позже руководители других стран переняли практику французов, в частности Иосиф Сталин с его блестящей плеядой «сталинских соколов», нанесших фашистской Германии знаменитые «десять сталинских ударов». Но это уже другая история, лежащая за пределами нашего повествования...

Поначалу чин маршала получили 18 наиболее достойных полководцев французской армии: несостоявшийся юнга, начинавший контрабандистом и торговцем фруктами Массена, бывший лакей, перебивавшийся хлебным ремеслом учителя танцев для дам бальзаковского возраста Ожеро, в прошлом военный инженер Бертье, несостоявшийся священнослужитель Мюрат, бывший младший лейтенант Даву, ученик красильщика Ланн, бывший старший сержант Бернадот, несостоявшийся деревенский пекарь Сульт, не доучившийся на цирюльника Бесьер, ученик бочара, сбежавший в гусары, Ней, юрист, не ставший писателем, Брюн, полуангличанин Мортье, коммивояжер (бродячий торговец галантереей)

Журдан, другой юрист Монсей, бывший подпоручик Келлерман-старший, бывший гусар Лефевр, бывший старший сержант-гренадер и любитель латинских афоризмов Периньон и младший лейтенант Серюрье.

Четверо последних были объявлены почетными маршалами. Так тогда вознаградили за заслуги перед Отечеством эту уже немолодую четверку.

Позднее к первым маршалам добавились: в 1807 г. – начинавший барабанщиком Виктор; в 1809 г. – сын шотландского эмигранта кадет Макдоналд, артиллерист и приятель-однокашник Бонапарта Мармон, бесстрашный гренадер Удино; в 1811 г. – доброволец Сюше; в 1812 г. – несостоявшийся инженер и блестящий чертежник Сен-Сир; в 1813 г. – профессиональный военный, чернобровый красавец-ловелас поляк Понятовский и в 1815 г. – печально известный волонтерреволюционер дворянских кровей Груши.

Всего в наполеоновскую эпоху появилось 26 маршалов Франции. Никогда более в истории военного искусства не было такой блестящей плеяды маршалов – это исторический феномен.

Кстати, создавая новый республиканский маршалат, Бонапарт не только рассчитывал на них как на опору в армии и государстве, но и устанавливал некий паритет между двумя крайне амбициозными, недолюбливавшими друг друга генеральскими группировками революционных братьев по оружию

– итальянской (здесь служили его выдвиненцы) и рейнской (там мужали такие будущие легенды французского оружия, как Ней и Даву). Характерно, что каждая группировка оказалась представлена в маршалате равным количеством заслуженных генералов. Маршалы прекрасно осознавали свое совершенно особое положение в государстве, но воспользовались им лишь один раз, правда, в самый критический для их благодетеля момент...

Скажем сразу, что среди военных, в разное время получивших это престижнейшее звание, были люди разного социального происхождения: сыновья дворян Груши и Периньон, сын польского князя Понятовский, сын военного инженера Бертье, сыновья офицеров Даву и Мармон, сыновья адвокатов Монсей и Брюн, сын прокурора Бернадот, сыновья врачей Бесьер и Журдан, сыновья нотариусов Сульт и Виктор, сыновья торговцев Массена, Мортье, Сен-Сир, Удино и Сюше, сын придворного служащего Серюрье, сын лакея Ожеро, сын бочара Ней, сын владельца постоянного двора Мюрат, сын эмигранта-дворянина Макдоналд, сын мельника Лефевр, сын крестьянина Ланн, сын правоведа Келлерман. Все они были совершенно не похожи друг на друга по темпераменту, интеллекту и в различной мере наделены полководческими талантами. Почти все, кто был назначен на высшие должности в армии Наполеона, не имели специального военного образования. Их знания и навыки пополняла сама жизнь.

Между прочим, среди маршалов Наполеона, вышедших из простого народа (Ожеро, Ланн, Массена, Лефевр, Мюрат, Ней, Удино), было много первоклассных полководцев. Эти даровитые люди «от сохи» чувствовали, что революция, покончившая раз и навсегда со всякого рода привилегиями, протекциями, прислужничеством, открывает широкую дорогу таланту, что ни одна искра дарования не будет затоптана, как это случалось при королевском режиме. Неудивительно, что все они любили революцию и эту любовь пронесли через всю свою жизнь. Как, например, маршал Макдоналд, который, оказавшись как-то раз за одним столом с королем Людовиком XVIII, разговорился о революции с графом Артуа, наследником престола и одним из заклятых врагов революции: «Как мне не обожать революцию! Она выдвинула меня, она меня возвысила! Разве без нее имел бы я честь завтракать сегодня за королевским столом рядом с вашим королевским величеством?» Графу Артуа не осталось ничего другого, как похлопать маршала по плечу и сказать ему, что он ценит такую откровенность. При старом порядке никто из них не перешел бы чина сержанта или навсегда остался бы капралом. Волна патриотизма увлекла их и заставила отдать все свои недюжинные силы делу защиты Отечества. Именно поэтому революционные войны Франции породили такое количество талантливых военачальников.

Наполеон удивительно умел угадывать людей с выдающимися способностями: Бертье, Мюрат, Массена, Ожеро, Бернадот, Сульт, Ланн, Мортье, Ней, Даву, Бесьер, Виктор, Макдоналд, Мармон, Удино, Сюше, Сен-Сир, Понятовский... Но только четверо из них – Массена, Даву, Ланн и Сюше – умели успешно воевать самостоятельно и даже выигрывать крупные битвы!

Ни одного маршала нельзя назвать бездарностью (правда, степень их дарования была, естественно, разной), получившей чин благодаря происхождению или родству, как это случалось в других государствах. Неудивительно, что армия Франции побеждала. К своим военным Наполеон предъявлял исключительные требования: точное выполнение поставленной задачи, умение проявить инициативу и работать на износ, – но зато и щедро награждал их.

Кстати, каждому маршалу полагался символ его звания – 50-сантиметровый маршальский жезл, обтянутый синим бархатом, с 32 вышитыми золотыми орлами. С торцов жезл окольцовывался золотом. По верхнему ободку вилась латинская надпись: «Ужас войны. Щит мира», а по нижнему – имя и фамилия обладателя жезла и дата пожалования звания. Кроме того, по торцам шел венок из золотых лавровых ветвей. «Каждый солдат носит в своем ранце маршальский жезл!» – любил повторять Бонапарт, но на самом деле все было не так просто. И вы в этом убедитесь, если дочитаете эту книгу до последней страницы.

Маршальские мундиры представляли собой настоящие шедевры. Сказать, что они были великолепны, значит ничего не сказать. Поскольку для их описания потребуется целая глава, скажем лишь, что каждому маршалу полагалось четыре комплекта маршальской формы: церемониальная, очень похожая на нее парадная, обыкновенная и походная. Характерно, что многие из них, подражая известному пажону маршалу Нею, шли в решающий бой в парадной форме.

Между прочим, Наполеону принадлежит весьма глубокая сентенция по поводу модной одежды: «Не всякий обладает правом быть одетым просто». Вернувшись в Париж после Аустерлица и желая увековечить свою любимую победу, Бонапарт заказал картину о сражении и дал интересное наставление знаменитому придворному художнику Жерару: «Как можно больше великолепия в костюмах офицеров, окружающих императора, с тем чтобы оно контрастировало с простотой его одежды и выделяло его среди них».

Маршалов связывало скорее военное братство, чем дружба – взаимная нелюбовь встречалась нередко. Дружили лишь Бесьер с Даву, Массена с Ожеро и до поры до времени Ланн с Бесьером. Соперничество из-за славы делало их порой непримиримыми врагами, например Бернадота и Мюрата, Мюрата и Даву, Даву и Бернадота, Бернадота и Бертье, Бертье и Даву, Бесьера и Ланна, Ланна и Мюрата, Мюрата и Ожеро, Бесьера и Массена, Массена и Нея, Нея и Сульта,

Макдоналда с Виктором и Сен-Сиром. Дразги и доносы, а порой и открытые столкновения стали для них обыденностью. Наполеона такое положение дел, по-видимому, вполне устраивало. Действуя по древнеримскому правилу «разделяй и властвуй», он стремился не допустить возникновения прочных уз между маршалами, чтобы они не могли образовать оппозицию. Лишь в самом конце, когда весной 1814 г. враг будет у стен Парижа, последние из оставшихся при Наполеоне маршалов выступят против него «единым фронтом» и потребуют немедленного отречения! Но это случится, когда всем станет ясно, что карта генерала Бонапарта бита!

Наполеон высоко ценил таланты своих военачальников. Доходы их росли год от года, все маршалы стали владельческими герцогами. Но и цена, которую приходилось платить за почет и милости, сыпавшиеся как из рога изобилия, была очень высока – жизнь. Своей кровью расплачивались они за привилегированное положение. Смерть вырвала из их рядов Ланна, Бесьера и Понятовского, убитых на поле боя. Еще пятеро умерли насильственной смертью уже в мирное время: Нея и Мюрата расстреляли, Брюн стал жертвой роялистского самосуда, Мортье – террористического акта, Бертье то ли покончил с собой, то ли был убит. Остальные умерли своей смертью, кто раньше, кто позже.

Характерно, что большинство из них откажется от человека, которому они обязаны всем (богатством, почестями, ти-

тулами). Их называли бессердечными, хищными, вероломными, жадными, жестокими, но никто никогда не дерзнул назвать кого-либо из них трусом! Узкие рамки нашей книги вынуждают нас ограничиться подробными биографиями лишь самых знаменитых и лучших из лучших «легатов» последнего бога войны – так порой величают Бонапарта историки-наполеоноведы.

Андре Массена

«Любимое дитя победы»

Одним из наиболее талантливых и авторитетных маршалов Наполеона считался невысокий, смуглый и молчаливый Андре Массена (6.05.1758, Ницца – 4.04.1817, Париж). Родовым гнездом семейства Массена была деревушка Левен, находившаяся в 15 милях от Ниццы. В то время Ницца входила в состав Сардинского королевства, т. е. Массена считался итальянцем (пьемонтцем). Его предки были потомственными земледельцами и фермерами (родословная Массена известна с 1475 г.). Его отец Джулио Чезаре изменил семейной традиции и занялся мелким бизнесом – производством и сбытом мыла и кожи. Мать маршала, французженка Катарина Маргерит Фабр, была дочерью инженера из Тулона.

Андреа (так по-итальянски звали его в ту пору) в шесть лет потерял отца, а его мать вторично вышла замуж, и ей было не до пятерых детей от первого брака. На счастье, Андреа оказался на попечении бабушки. Мальчуган уже никогда не чувствовал родительской поддержки. Это обычно накладывает особый отпечаток на характер, а порой и судьбы людей. Из-за плохого материального положения бабушка не могла

дать внуку всего того, что скрасило бы хоть немного его сиротское детство.

Через несколько лет брат отца Агостино забрал племянника к себе: ему был нужен дармовой работник. В его мыловарне в Ницце наш юный герой прошел свои «первые университеты». Порывистая и страстная натура Андреа, однако, вскоре восстала против однообразной работы. Рутинному и полусонному существованию он предпочел трудную, опасную, но исполненную романтики и приключений жизнь. В тринадцать лет подросток убежал от родственников, поступил юнгой на торговое судно, плавал на нем более четырех лет, побывал в Атлантике, посетил Гвиану. К 17 годам он так и не научился читать и писать, но зато приобрел бесценный жизненный опыт.

Кстати, у Массена было типично итальянское лицо (сказались пьемонтские гены отца): острые черные глаза, крючковатый нос, выдающийся подбородок, покрытый твердой щетиной, к которой редко прикасалась бритва. Его никто не назвал бы красавцем, что не мешало ему интересоваться женщинами и при этом пользоваться у них успехом.

«Наевшись» романтики, Массена сошел с корабля в Тулоне, где проживал его дядя Жером Марсель. Он служил в Королевском итальянском полку французской армии унтер-офицером (старший сержант). В 1775 г. молодой Массена поступил солдатом в тот же полк. Несомненно, дядя

повлиял на его решение, и впервые с момента смерти отца Андре (теперь мы будем его звать на французский манер) не чувствовал себя совершенно одиноким. Можно без преувеличения сказать, что дядя Жером Марсель стал для Андре вторым отцом. Именно благодаря его заботам и советам Массена быстро достиг успехов в освоении военного ремесла. Он чувствовал себя на солдатской службе как рыба в воде, и это, несомненно, объясняет ту легкость, с которой он преодолел первые ступени карьерной лестницы. Уже 1 сентября 1776 г. Массена получил свой первый чин – капрала. Впоследствии, вспоминая то время, Массена не без грусти говорил, что ничто так не волновало и ничто так не радовало его в жизни, как первое звание.

18 апреля 1777 г. Массена стал сержантом – в возрасте 19 лет, что в королевской армии было большим достижением, требовавшим не только большого ума и прилежания, но и способностей. Вскоре полк, в котором служил Массена, был перемещен в Ла-Рошель, где готовился к посадке на корабль, чтобы отплыть в Новый Свет – там в ту пору шла война за независимость американских колоний Англии. Но наш юный герой так и не побывал за океаном – не судьба! Полковое начальство постоянно отмечало юного Массена как отличного служаку. Но его недворянское и тем более иностранное происхождение преграждало путь к продвижению по службе.

Добравшись, как и дядя, лишь до унтер-офицерских нашивок, 3 марта 1789 г. после 14 лет непрерывной службы

Массена вышел в отставку, открыл лавчонку в Антибе и женился на дочери хирурга Мари Розали Ламарр (1765–1829). Нам так и осталось неизвестно, был ли заключен этот брак по любви. Дородная Массена слыла супругой спокойной и неконфликтной, посвятившей всю свою жизнь воспитанию детей: двух сыновей, Жака Проспера (1793–1821) и Виктора (1799–1863), и двух девочек, Мари Анн Элизабет (1790–1794) и Виктории Терезы (1794–1857). Не исключено, что пресная натура Мари Розали во многом способствовала развитию бонвиванских замашек у ее дражайшего супруга. Но, будучи женщиной умной и тактичной, она смотрела сквозь пальцы на шалости своего знаменитого муженька, требуя от него только одного: денег, еще раз денег, причем больших денег. Скорее всего, именно благодаря этому они нашли друг друга и, несмотря на все перипетии супружеской жизни, оказались два сапога пара.

Кстати, с сыном Массена 16-летним Жаком Проспером в ходе Ваграмской битвы произошел презабавный случай. Когда отцу потребовалось послать одного из адъютантов с ответственным заданием, выяснилось, что настал черед сына. Повинуясь отцовским чувствам, Андре вне очереди отправил в огонь другого адъютанта. Сын счел это несправедливым и помчался догонять товарища. После возвращения обоих адъютантов живыми и невредимыми маршал обрушился на Жака Проспера с упреками. Сын был предельно лаконичен: «Я – сын маршала Франции! Это

моя кампания! Я уже награжден крестом! Но заслужил ли я его? И наконец, это был мой черед выполнять приказ!» Посрамленный отец не без удовольствия и гордости пробурчал: «Этот молокосос доставил мне больше хлопот, чем целый вражеский корпус!»

Молодая пара Массена открыла собственную бакалейную лавку, приторговывая оливковым маслом и сухофруктами. Поговаривали, что под прикрытием мелкой торговли Массена на пару со своим двоюродным братом Бавастро занимался контрабандой, доставляя из Франции товары через Савойские горы в Италию. Так или иначе, но именно с той поры страсть к презренному металлу не отпускала нашего героя до... гробовой доски. Уже во времена маршальства его ненасытная алчность станет притчей во языцех, и сам Бонапарт, узнавая об очередном хищении Массена, будет то раздражаться, то... делать вид, что ему не до финансовых проказ «любимого дитя победы».

После революции Массена вновь устремил свой взгляд на армию. Именно от нее, как рассчитывал Массена, он мог получить то, что хотел и чего не мог достичь при старом режиме. Он вступил в Национальную гвардию, стал капитаном-инструктором, начав с подавления... крестьянского восстания в Арьеже. Его глубокое знание военного дела, внушающая уважение манера поведения, безграничная уверенность в себе, выразительная и образная речь выделяли нового капитана из общей массы военных той поры. Его

строптивность равнялась его храбрости, скрытность – алчности, а гордость – невзрачности. Во время войны Андре был избран командиром батальона волонтеров. Его отличительными чертами были решительность, отвага, предприимчивость, упрямство и высочайший боевой дух. Но в то же время он пренебрегал дисциплиной, мало уделял внимания снабжению, за что его откровенно недолюбливали солдаты. Он не умел тщательно готовить атаку и произносить патетико-патриотические речи для воодушевления воинов, но с первым пушечным выстрелом Массена преобразался и действовал как часы. Даже будучи разбитым, он не терялся и продолжал бороться за победу. Благодаря своей фантастической одаренности уже через год службы в армии революционной Франции, в феврале 1792 г., он становится подполковником, а в августе 1793 г. его производят в бригадные генералы. В это время Андре успешно сражается в Альпах, отличается при взятии Тулона в армии Дюгоммье. Именно под Тулоном жизненные пути Бонапарта и Массена впервые пересеклись. Но тогда Бонапарт, более известный под своей итальянской фамилией Буонапарте (и к тому же всего лишь капитан), в табели о рангах стоял значительно ниже Массена (бригадный генерал).

Между прочим, уже в дни осады Тулона в 1793 г. между Массена и Бонапартом пробежала кошка по имени Зависть. Бонапарт, описывая взятие крепости, никогда и нигде не упомянул о роли Массена!

А она была немалой, недаром за штурм Массена получил звание дивизионного генерала, а Бонапарт, хоть и шагнул вверх сразу через несколько чинов, – лишь бригадного! Невероятно тщеславный Наполеон уже тогда испытывал профессиональную зависть к «генералу без военного образования».

Потом Массена оказался в Итальянской армии у генерала Дюмербиона, которого сменил Келлерман-старший, один из героев легендарной победы под Вальми, а затем генерал Шерер. После Тулона – с апреля по май 1794 г. – Бонапарт воюет в Альпах как начальник артиллерии под руководством Массена.

К. Пеллетан. *Портрет маршала Массена. Гравюра.* Вторая половина XIX в.

При чтении наполеоновского «Очерка операции Итальянской армии в 1792–1795 гг.» складывается впечатление, что Бонапарт не только не подчинялся напрямую Массена, но

даже был в сравнении с ним фигурой по меньшей мере равнозначной... Конечно, это не так. Более опытный и старший по званию Массена, безусловно, имел ряд преимуществ перед Бонапартом, проявившим себя один-единственный раз – во время взятия Тулона. Впоследствии, вспоминая об операциях Итальянской армии, Наполеон если и называл имя Массена, то с какой-то отстраненностью. Профессиональная ревность, не так ли?

Уже тогда Наполеон не считал нужным подчиняться вышестоящему командиру, вскоре прославившемуся важной победой при Лоане 21 ноября 1795 г. План прорыва вражеского центра при одновременном охвате одного из его флангов превосходящими силами, детально разработанный Массена, принес блестящий успех. Победа была тем ощутимее, что общие потери французской стороны в сражении составили лишь пятую часть в сравнении с потерями австро-сардинских войск. Более того, после отставки инертного Шерера в самой армии многие полагали, и не без оснований, что его место достоин занять именно... Массена!

Но, как это часто бывает, в назначение Массена вмешался его величество случай. Если Тулон создал военную репутацию Наполеону, то 13 вандемьера, поддержав правительство против восставших парижан, Бонапарт укрепил свое политическое положение. Теперь Директория не жалела ничего, чтобы отблагодарить своего спасителя. 10 октября Наполеон был назначен заместителем командующего внутренними

войсками; через шесть дней ему было присвоено звание дивизионного генерала. 26 октября он был назначен уже главнокомандующим Внутренней армией. А 2 марта 1796 г. Бонапарт стал командующим Итальянской армией.

Отправка в Итальянскую армию «генерала Вандемьера», как его ехидно называли боевые офицеры, вызвала неоднозначную реакцию среди боевых офицеров. Причиной тому был, конечно, не маленький рост нового главнокомандующего (158,5 см). Наполеона невзлюбили за то, что он был «человеком со стороны», назначенцем, которому покровительствовал директор-адвокатишка Баррас. Несомненно, что и сам обиженный Массена разделял подобные чувства в отношении «военного из прихожей», интригами оттершего его, победителя при Лоане, от честно заслуженного поста.

Так или иначе, но отношения между Бонапартом и одним из самых одаренных его полководцев действительно всегда были прохладными. Так, в 1808 г., уже будучи императором Франции, как-то на охоте в Фонтенбло, стреляя по стае куропаток, Наполеон попал дробью в... левый глаз Массена. Бонапарт не извинился за ранение и, только приехав в Мальмезон, все же направил к подстреленному Массена своего личного лекаря Ларрея. Но было уже поздно: маршал успел окриветь. Массена был крайне самолюбив и часто обижался на Наполеона, считая, что тот недооценивает его вклад в ту или иную победу. Но в этом он был не совсем прав. Бонапарт ценил проницательность, активность, упорство и бес-

спорный талант Массена: «...он никогда не падал духом... при первом выстреле, посреди ядер и опасности, мысли его приобретали силу и ясность. Разбитый, он продолжал действовать как будто победитель». Во-первых, Массена умел повиноваться, и, во-вторых, он много получил от Бонапарта – в первую очередь широкое поприще славы! Наполеон сделал его маршалом Франции и наградил орденом Почетного легиона.

Кстати, хрестоматиен рассказ о том, как прошла первая встреча нового командующего с командирами дивизий. Они вошли, не снимая шляп, украшенных трехцветными перьями. Бонапарт был тоже в шляпе. Он встретил генералов вежливо, но сухо, официально, предложил им сесть. Когда сели и началась беседа, Бонапарт снял свою шляпу, и генералы последовали его примеру. Немного погодя Наполеон надел шляпу. Но так взглянул при этом на собеседников, что ни один из них не посмел протянуть руку к своей шляпе. Генералы продолжали сидеть перед командующим с непокрытыми головами. Когда командиры расходились, Массена (по другой версии, Ожеро) пробормотал: «Ну нагнал же на меня страху этот малый!» Как было на самом деле, нам доподлинно не известно. Не исключено, что это всего лишь красивая армейская байка, без которых не обходятся рассказы бывалых вояк. В сущности, это неважно...

В Итальянском походе Наполеона Массена отличился не

раз: 12 апреля при Монтенотте, 14–15 апреля при Дего, 10 мая при Лоди, 3 июня у Вероны, 5 августа при Кастильоне (за это отличие майор Мармон привезет ему от Бонапарта наградную саблю), 15–17 ноября в знаменитом сражении при Арколе. Но ярко Массена проявил себя в крайне тяжелой для французов битве при Риволи: именно его маневр привел к контрнаступлению французов и выигрышу. После этого Наполеон назвал Массена «любимое дитя победы!».

В 1798 г. Директория поручила Массена принять командование французскими войсками, оккупировавшими Рим и его окрестности, сменив генерала Бертье, отправившегося вместе с Бонапартом в Египетскую экспедицию. Массена обожал деньги, обожал богатство. Стремление к обогащению было, по-видимому, главной страстью в его жизни. Наполеон называл Массена (вместе с Ожеро и Брюном) «ненасытными грабителями». При этом в отличие от коллег будущей герцог Риволи не позволял себе широких жестов, которые встречались у того же Ожеро, помогавшего деньгами своим боевым товарищам. Массена же слыл скрягой. Невиданное лихоимство генерала вызвало настоящее возмущение в Риме. Солдаты, давно не получавшие жалованья, прекрасно знали, что личные сундуки Массена ломятся от награбленного золота, и отказались выполнять любые его приказы. Директория не рискнула продолжать «эксперимент» с пребыванием Массена в Риме и Падуе и отозвала генерала во Францию. Однако этот урок не пошел на пользу Массена:

воровать он не перестал.

Один из его звездных часов наступил осенью 1799 г., в критический для судьбы революционной Франции момент. В отсутствие Бонапарта, покорявшего Египет, видные французские генералы Макдоналд и Моро потерпели ряд серьезных поражений в Италии от «русского Марса» А. В. Суворова. Серюрье с Груши и Периньоном и вовсе оказались в плену, и Suvaroff уже собирался через Швейцарию вторгнуться во Францию.

А. Тьер. *Наполеон на Аркольском мосту*. Гравюра. Вторая

половина XIX в.

Именно Массена – этот гений искусства обороны – проявил тогда свои блестящие способности. Прекрасно разбиравшийся в специфике горной войны, он оставил ряд своих позиций, которые из-за отдаленности друг от друга и невозможности поддерживать с ними связь легко могли превратиться в своеобразные ловушки для разрозненных французских отрядов. У Массена был план расположиться со своей армией у Цюриха и там принять решительное сражение. Цюрих, один из самых крупных городов Швейцарии, действительно имел стратегическое значение. Он не только был центром дорог, расходящихся радиусами в разных направлениях, но и имел богатый арсенал. Таким образом, полностью сохранить господство над этим городом было немаловажной задачей для французского главнокомандующего.

Австрийский эрцгерцог Карл (60 тыс. солдат) попытался было вытеснить Массена (45 тыс. человек), но так и не добился ничего существенного и вскоре ушел за Рейн. В итоге против Массена находился теперь только русский корпус Римского-Корсакова, а левее располагался австрийский отряд генерала Готце. На помощь Римскому-Корсакову двигался Суворов с 32 батальонами пехоты, казаками и небольшой бригадой австрийцев генерала Ауффенберга – всего около 21,5 тыс. человек.

Получив письмо от генерала Сюше, начальника штаба

Итальянской армии, в котором тот извещал Массена о движении армии Суворова через Альпы на соединение с корпусом Римского-Корсакова, Массена решил ускорить наступление. Тем более что неистовый старик Suvaroff уже штурмовал Чертов мост. У Массена под началом было много первоклассных генералов – Ожеро, Удино, Сюше, Сульт, Мортье, Вандамм, Лекурб, Суам, д’Эрлон и Молитор (первые пятеро станут маршалами Франции). Генералы Лекурб и Молитор, мастера горной войны, до последнего огрызались на перевалах. Тем временем сам Массена с оставшимися генералами и 39 тыс. солдат сумел навязать решительное сражение 24—27-тысячному русскому корпусу Римского-Корсакова под Цюрихом. Удино был отправлен им в обход, Мортье брошен во фронтальную атаку, а Сульт умело пресек все попытки австрийцев прорваться к русским.

В отличие от французского командующего, который тщательно подготовил свое наступление, Римский-Корсаков не предпринял никаких мер на случай французской атаки. Он сам готовился к наступлению, а потому собрал у Цюриха бóльшую часть войск, весь обоз и артиллерийские парки. О намерениях Массена русский командующий не имел ни малейшего представления. Упорство и отвага русских солдат позволили им в течение целого дня мужественно противостоять натиску французов (недаром они потеряли около 7 тыс. человек), но силы были слишком неравны. И на следующий день русские были сломлены. Французы ворвались

в Цюрих. Разгром был полным. С большими потерями (15–18 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, 26 орудий, 9 знамен) остатки русского корпуса начали беспорядочный отход за Рейн.

Кстати, это было самое крупное поражение российской армии в XVIII столетии! Подобный конфуз случился с ней без малого за 100 лет – на заре ее становления в Петровскую эпоху, т. е. еще в XVII в. Тогда, 19 ноября 1700 г., превосходя по количеству шведов Карла XII в несколько раз, русские крупно проиграли им под Нарвой. Понесенное поражение было очень тяжелым: если шведы потеряли от 2 до 3 тыс. человек, то русские – около 8 тыс. убитыми (7 тыс. полегло на поле боя и тысяча утонула в реке Нарве во время бегства дворянской конницы) и 12 тыс. пленными; Карл XII захватил всю русскую артиллерию. Кроме того, немало уцелевших русских солдат погибли при отступлении к Новгороду от голода и жестоких морозов. Так первое столкновение русской армии со шведами завершилось ее страшным разгромом, или, как выразился по этому поводу сам российский самодержец, «нарвской конфузией». Но тогда были иные обстоятельства, и у русского оружия еще не было столь славного имени, завоеванного за 100 лет победоносных войн.

В борьбе с Лекурбом и Молитором Суворов понес слишком серьезные потери и прорываться во Францию через за-слон самого Массена благоразумно не стал, впервые в сво-

ей практике применив столь нелюбимую им ретираду через непроходимые горные тропы. По сути дела, Массена поставил крест на полководческой карьере Суворова, не дав тому после трех кряду побед над французами при Адде, Треббиа и Нови прорваться во Францию. Он вынудил непобедимого русского Марса с тяжелыми боями отступать подобру-поздорову. Но и окружить и уничтожить войска русских Массена не удалось. Неистовый старик Suvaroff так и ушел в Бессмертие непобежденным. Впоследствии Массена с завистью говорил, что «отдал бы все свои победы за один швейцарский поход Суворова».

Между прочим, значение этой победы для Франции трудно переоценить. Она вселила уверенность в души как солдат, так и народа в целом. Победа у Цюриха имела к тому же и политические последствия: русский император Павел I вышел из антифранцузской коалиции и отзывал армию обратно. «Лебединая песня» победоносного Суворова – *столь необходимый для европейских монархов поход на Париж и столь желанная для русского Марса встреча на поле боя с Бонапартом – «широко шагающим мальчиком, которого пора унять, а не то будет поздно»* – так и не состоялась. И очень скоро предостережение Суворова, что «новый Рим пойдет по стопам Древнего», реализовалось: наполеоновская Франция начала стремительно поглощать европейские государства, превращаясь в супердержаву.

Не одержи Массена тогда судьбоносной победы, могли бы союзные русскоавстро-английские войска, ведомые неистовым стариком Suvaroff, оказаться под стенами Парижа на 15 лет раньше, чем это случилось! Если это предположить, то еще неизвестно, как сложилась бы карьера генерала Бонапарта, и вздрагивал бы мир от результатов Маренго и Ульма, Аустерлица и Йены, Фридлянда и Ваграма?

Цюрихская кампания важна еще и потому, что тогда во всей полноте раскрылся полководческий талант Массена. Терпение и выдержка, проявленные им в этой кампании, не могут не восхищать: на протяжении долгого времени он ждал момента, когда можно будет с уверенностью броситься на противника – ни раньше, ни позже. Умелое использование горных проходов, поддержание надежной связи между отдельными частями армии, грамотный выбор позиции, искусное чередование оборонительных и наступательных операций, способность воспользоваться оплошностью врага, перехватив у него инициативу, – таков неполный перечень способностей Массена, которые он продемонстрировал в Швейцарии в 1799 г.

Между прочим, не все было гладко в полководческой биографии «любимого дитя победы». В июне 1800 г. после двух месяцев обороны Генуи, когда он исчерпал все мыслимые и немыслимые средства для защиты, несмотря на наличие в его обойме таких первоклассных генералов, как Сульт

и Сюше, Массена пришлось пойти на почетную капитуляцию перед австрийцами. До сих пор трудно понять, почему Бонапарт, переваливший тогда через Альпы, не пошел к нему на помощь, а выбрал иное направление, приведшее его к... Маренго и одной из его самых судьбоносных побед. Сегодня историки склоняются к мнению, что без осады Генуи не было бы и победы при Маренго. Если это так, то Бонапарт очень многим обязан Массена и его солдатам, героически оборонявшим Геную и отвлекавшим немалые силы австрийцев от вторгнувшегося в Италию наполеоновского воинства. Но даже спустя много времени, уже будучи на острове Святой Елены, Наполеон так и не признал этого неоспоримого факта. Наоборот, он продолжал с весьма недоброжелательной дотошностью разбирать все просчеты лихого контрабандиста при обороне Генуи. Впрочем, здесь нет ничего непонятного: во все времена суперзвезды очень ревниво относились к успехам... звезд, могущих ненароком затмить их на небосклоне. Среди военных это соперничество и вовсе принимало дикие формы, вспомним хотя бы прославленного Александра Васильевича и его эскапады против Фридриха II Великого, Каменского-старшего и прочих екатерининских орлов...

Известие о захвате власти в Париже осенью 1799 г. Массена воспринял без особого энтузиазма. Учитывая его непростые отношения с Бонапартом, это более чем естественно.

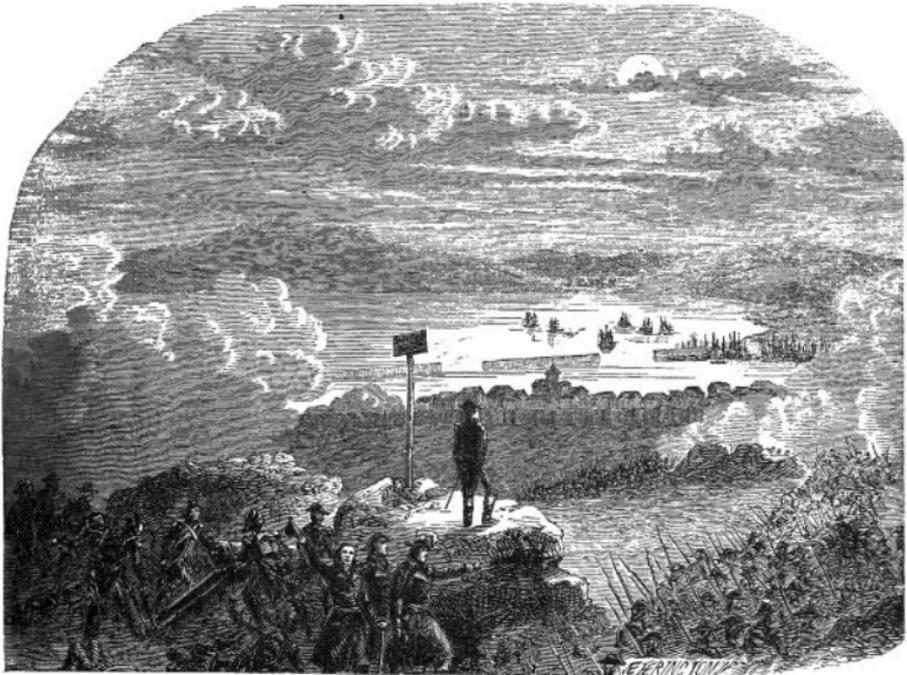
Скорее всего, Массена опасался, что недолюбливавший его новый глава государства не даст ему всего того, из-за чего только и стоит жить: славы и богатства.

Массена принимает участие в войне с Австрией в 1805 г. И хотя в силу ряда обстоятельств оказывается на второстепенных фронтах, именно ему выпала честь с 50-тысячной армией сдерживать сильнейшую австрийскую армию эрцгерцога Карла – лучшего вражеского полководца, набравшего в свою армию лучшие полки и лучших командиров. Но в ходе тяжелой войны с русскими в 1807 г. «любимое дитя победы» по воле императора не принимал участия ни в кровавой мясорубке при Прейсиш-Эйлау, ни под Фридландом, когда решилась судьба всей кампании.

Следующий звездный миг в карьере Массена случился, когда она фактически уже была на излете. 50-летний, изрядно уставший от многолетних военных передраг (на войне, как известно, люди быстро стареют), Массена проявил все грани своего таланта летом 1809 г. Тогда Австрия решилась в одиночку «бросить перчатку» повелителю всей Европы. На фоне не всегда отменно действовавших наполеоновских маршалов именно Массена отличился во время фиаско Бонапарта при Асперне и Эсслинге. Разрушенные деревни более десятка раз переходили из рук в руки. Все вокруг было завалено трупами. Все адъютанты Массена были убиты или ранены, под ним разорвало ядром коня, а одноглазый контрабандист хладнокровно руководил боем. Его кор-

пус отступил лишь по приказу, вынеся всех раненых и лишив врага трофеев. Столь же блистателен был Массена и в ходе тяжелейшей Ваграмской битвы. В той кампании он был почти неразлучен с Наполеоном. Активность, стремительность, решительность, самообладание и невероятная стойкость Массена в обороне не раз спасала Бонапарта от катастрофы. Недаром позднее Наполеон сказал: «Кто не видел Массена в Асперне, тот не видел ничего». Во время рекогносцировок перед судьбоносным для Бонапарта Ваграмом, указывая на герцога Риволи, он говорил: «Вот моя правая рука!»

Кстати, Андре Массена побывал в десятках сражений, видел, как кругом него падают люди под пулями и ядрами, но сам оказался ранен только дважды. Причем отнюдь не в бою. Первый раз «отличился» Бонапарт, повредив ему глаз дробинкой на охоте. Во второй раз он свалился в ров накануне Ваграма и вывихнул себе ногу. Таковы гримасы Судьбы.

Неизвестный автор. *Бонапарт руководит осадой Тулона.*
Гравюра. Вторая половина XIX в.

Человеческие качества Андре не вызывали у Наполеона особого энтузиазма: помимо денег Массена больше всего любил красивых женщин. Взятничество и казнокрадство шли с Массена нога в ногу. Он опускался до того, что лично вымогал трофеи у подчиненных. В приказах Наполеона по армии можно часто встретить такие фразы: «Я приказал маршалу Массена возместить похищенные им два миллиона»; «Приказываю Массена вернуть взятые им шесть милли-

онов» и т. п. Уже на острове Святой Елены Наполеон писал: «Массена был настоящим грабителем. Он постоянно входил в долю с армейскими поставщиками и интендантами. Я много раз говорил ему, что, если он прекратит злоупотребления, я подарю ему 800 тысяч или даже миллион франков». После того как в 1806 г. Массена присвоил 6 млн 400 тыс. франков, предназначенных на содержание вверенной ему Неаполитанской армии, Бонапарт «озверел душой» и приказал немедленно конфисковать позаимствованные Массена деньги, которые тот предусмотрительно успел спрятать в одном из банков Ливорно. Андре настолько расстроился, что слег с горячкой и долго потом плакался всем окружающим: «Я сражался, служа ему, а он был настолько жесток, что отнял у меня мои весьма скромные сбережения, вложенные в банк в Ливорно!» Но полководец так втянулся в эти грязные денежные истории, что никак не мог из них выбраться. Со временем Наполеону столь надоели донесения о казнокрадстве Массена, что он стал... закрывать на них глаза, мотивируя свое поведение весьма весомым аргументом: «Массена обладает таким военным талантом, перед которым надо преклоняться и не вспоминать о его недостатках, поскольку они есть у всех людей». Сам Массена объяснял свою «болезнь» очень просто: «Слава – прекрасная вещь. Но ведь ее не положишь в банк!» Наполеон, быстро раскусивший главный секрет своего маршала, в изобилии дал ему первое. Он получал более миллиона франков в год, больше платили только Бер-

тье: 1,5 млн. (После смерти Массена его состояние оценили в 40 млн франков!) Женщин Массена «добывал» себе сам... Причем к старости ему требовалось их все больше и больше! Правда, будучи человеком крайне жадным, он предпочитал на них... экономить.

Между прочим, о том, что Массена невероятный жмот и до неприличия скареден, ходили многочисленные рассказы. В знаменитом сражении под Ваграмом повредивший незадолго до этого ногу Массена под непрерывным обстрелом врага передвигался в открытой коляске, запряженной четверкой белых лошадей. После битвы кое-кто намекнул Андре, что неплохо бы наградить и рисковавших наравне с ним своими жизнями фореятора и кучера. Массена внял голосу разума и даже объявил, что намерен пожаловать по 200 франков каждому из храбрецов. Но когда кто-то из его штабных офицеров высказался в том смысле, что Массена расщедрится и будет выплачивать каждому из этих своих преданных слуг ежегодную пенсию в размере 200 франков, то с маршалом чуть не случился инфаркт! Он дико заорал, что при своей бедности может себе позволить только однажды поощрить их обещанными 400 франками на двоих! Но, на беду, новость дошла до ушей самого Бонапарта, и тот не преминул поставить жирную точку в этой некрасивой истории: маршалу было по-армейски жестко приказано платить фореятору и кучеру обозначенную ежегодную

пенсию! Массена попробовал было поскулить о том, что это его непременно разорит, но Бонапарт так посмотрел на него, что скупой маршал тут же взял под козырек. А через несколько дней судьба послала ему сигнал: в последней стычке с австрийцами под Цнаймом через мгновение после того, как Массена покинул карету, шальное ядро разнесло ее вдребезги! «Спешите делать добро!»

Уже будучи командующим в Португалии, Массена настолько прикипел к своей очередной «легкой кулеврине» (так среди французского офицерства XVIII в. галантно величали дамочек, умело снимавших на войне стресс у постоянно рисковавших жизнью господ офицеров), что возил ее с собой повсюду. На этот раз ею была сестра одного из адъютантов, приятная во всех отношениях мадам Лебертон, выглядевшая крайне соблазнительно в зеленой форме драгунского капитана с орденом Почетного легиона на высокой груди! Аппетитная очаровашка (военно-полевая маршальша) – грубая солдатня со смехом величала ее «курицей Массена» – уже не раз составляла ему компанию в его военных кампаниях начиная с 1806 г. Все понимавший штаб Массена воспринимал ее как должное: последняя утеха стареющего героя-воина, у которого «есть еще порох в пороховницах»! Даже старший сын маршала, Проспер, относился к ней как к чему-то само собой разумеющемуся. Зато один из главных ненавистников Массена, задира маршал Ней, в ту пору служивший вместе с ним, на обеде с очаровательной «кулев-

риной» повел себя по-хамски: сел к ней спиной и всю трапезу поддевал старшего по положению и возрасту Массена на тему... мужской состоятельности в обслуживании маневренной и скорострельной «легкой кулеврины». В конце концов лебертонша не выдержала и нашла по-женски правильный выход из крайне неприятной ситуации: упала в глубокий обморок. С той поры отношения между маршалами окончательно расстроились. А «курица Массена» еще доставляла массу хлопот штабным офицерам, то падая с лошади, то забывая в оставленном биваке своего любимого попугайчика, то просто устраивая затяжные истерики в «дни женской немоготы». Массена по-стариковски суетился вокруг своей «кулевриночки», орал на адъютантов, приказывал гренадерам нести ее на руках, но шибко не тратился на ее капризы. Несмотря на то что его законная супруга явно перешагнула возраст активной ревности, все его деньги (на черный день!) она держала под строжайшим контролем.

Крупные неудачи в Португалии поставили жирную точку в карьере одноглазого Массена. По правде говоря, ему тогда пришлось рассчитываться за чужие ошибки: Жюно, Сульта, Журдана, Бесьера и... самого Бонапарта. Массена всячески пытался отвертеться от этого рокового назначения. Он-то прекрасно понимал, что выправить там ситуацию невозможно. Безусловно, отдавал в этом себе отчет и его патрон, заваривший кашу на Пиренейском полуострове и отправивший туда одного из самых выдающихся маршалов. Прибыв

к месту назначения, Массена очень быстро перешел в наступление, но уже в сражении под Бусако получил такой мастерский отпор от британских войск сэра Артура Уэлсли (будущий герцог Веллингтон), что в дальнейшем воевал больше по инерции, чем по желанию. Камнем преткновения для его солдат стали знаменитые укрепления Торрес-Ведрас в нескольких милях от Лиссабона. Обойти их было невозможно, а атаковать в лоб – положить всю армию.

Кстати, в течение шести недель упрямый Массена не сходил с места в расчете, что Веллингтон как истинный джентльмен в конце концов покинет свои неприступные позиции на Торрес-Ведрас и сразится с ним в открытом поле. Но британец, как позднее точно и образно выразится о его манере боя сам Наполеон, изобрел новый вид сражения «сидя на жопе» и предпочел остаться в укрытиях. Времена, когда в середине XVIII в. противники, выстроившись друг перед другом в линию, любезно предлагали неприятелю дать первый залп, как это якобы случилось в известной битве при Фонтенуа 10 мая 1745 г., безвозвратно ушли.

Все попытки старого контрабандиста призвать к себе на помощь других французских военачальников, разбросанных по Пиренейскому полуострову, – Сульта и Жюно, Друэ д'Эрлона и Ренье – окончились крахом. Точно так же и все призывы и приказы Бонапарта к их взаимодействию с Массена уходили в песок неповиновения. Судя по всему, они предпочитали действовать по хорошо известному принципу: «Бог

– высоко! Император – далеко! Здесь, я Хозяин!!!» Болезни, дезертирство и голод выкашивали ряды французской армии лучше, чем дальнебойно-прицельные залпы метких британских гвардейцев. Дело дошло до того, что один из португальских шпионов Веллингтона с прискорбием сообщал: «Эти живоглоты съели моего... кота!» Пришлось Массена отступить. Прodelал он это виртуозно: англичане узнали о ретираде прославленного французского маршала лишь спустя три дня после ее начала. Командовать арьергардом Андре поручил сколь строптивому, столь и бесстрашному Нею. Последний показал себя в этом самом сложном виде боя с блеском! Пожалуй, никто из наполеоновских маршалов не умел лучше него прикрывать отступление, когда силы и мужество солдат на исходе (особенно это касалось французов, которые в силу ряда эмоциональных причин предпочтение всегда отдавали азартному наступлению) и отход вот-вот может перерасти в... бегство! Ней свой долг перед армией выполнил безукоризненно. При этом он терпеть не мог хитрого контрабандиста и разругался с ним вдрызг. Ходили слухи, что, получив известие о внезапном нападении на штаб-квартиру Массена и возможном пленении главнокомандующего, Ней воскликнул: «Взят в плен! Взят в плен! Черт возьми! Тем лучше, этому надобно радоваться, вдвойне радоваться, потому что армия спасена!» Вскоре Ней сменили более покладистым, но не столь даровитым Мармоном, и Массена снова перешел в наступление на «истинного джентльмена».

Ему почти удалось разбить Веллингтона, и лишь неповиновение маршала Бесьера в последний момент битвы при Фуэнтесд'Оноро лишило его заслуженных лавров победителя. Веллингтон позднее сам признавал: «Это была моя первая столь тяжелая битва! И мне здорово повезло, что я не был разгромлен!»

Именно после такого «полу-успеха» Массена отзывают в Париж, перепоручив войну в Испании старому наполеоновскому однокашнику маршалу Мармону, которого 22 июля 1812 г. наголову разбили англичане в судьбоносном для Испании сражении при Саламанке. С одной стороны, Массена, безусловно, задела эта рокировка, но, с другой, он как никто понимал, что «здесь больше потеряешь, чем приобретешь», и в сопровождении «легкой артиллерии» вернулся во Францию. Очень нескоро Наполеон выкроил минутку для встречи с маршалом. При этом начал он ее весьма нелюбезно, можно даже сказать грубо: «Так вы уже больше не (театральная пауза) Массена?!»

Между прочим, много позже Наполеон критиковал Массена за его действия в Португалии, Испании, при Бусако, Торрес-Ведрас и даже вспоминал ему сдачу Генуи. В последнем случае Бонапарт и вовсе заговорил о... гуманности на войне! В его понимании, «если думаешь о гуманностях, то не надо воевать». Наполеон, конечно, был гениальным полководцем, но следовало ли ему столь безапелляционно «опускать» одного из лучших маршалов, которому он поручил победить

в партизанской войне, т. е. решить невыполнимую задачу!

Массена знал себе цену, и молва гласит, что он «не прогнулся», а достойно ответил на подвох-издевку императора. Но именно после этого его почти 40-летняя военная карьера пошла на спад. Стала прогрессировать и тяжелая болезнь, которая спустя несколько лет свела в могилу героя Риволи и Цюриха, Генуи и Эсслинга. Массена уже не участвовал в кровавых сражениях 1812, 1813 и 1814 гг., а в период «Ста дней» он и вовсе проявил старческую прозорливость – внутренний голос искушенного вояки безошибочно подсказал ему: полет орла уже закончился! – и не ввязался в последнюю авантюру Бонапарта. После окончательного падения Наполеона вернувшиеся во Францию Бурбоны сделали Массена губернатором Парижа и предложили ему стать членом трибунала над маршалом Неем, нарушившим присягу и перешедшим на сторону Бонапарта. Массена удалось очень ловко уклониться от этой сомнительной чести под тем предлогом, что после ссоры с Неем в 1810 г. (вспомним пассаж с «кулевриночкой») он не может быть непредвзятым судьей. Этим дальновидным ходом хитрый контрабандист навсегда обеспечил себе алиби в грязном деле осуждения Нея в отличие от некоторых других сослуживцев «храбрейшего из храбрых»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.